

DOI: 10.20913/2224-1841-2021-3-03

УДК 304.2+378.1

Оригинальная научная статья

Трансформация отечественной системы ВПО: сдерживающие факторы и неоднозначность оценки

В. В. Петров

*Институт философии и права Сибирского отделения Российской академии наук
Новосибирский национальный исследовательский государственный университет
Новосибирск, Российская Федерация
e-mail: v.v.p@ngs.ru*

Аннотация. Социальные трансформации, произошедшие под воздействием глобализации и неолиберализации на рубеже XX–XXI вв, привели к необходимости глубоких структурных и функциональных изменений в системе отечественного высшего профессионального образования. Несмотря на то что за последние двадцать лет в отечественной практике было разработано множество директивных документов и принят ряд серьезных управленческих решений, оказывающих прямое влияние на развитие российской системы образования на всех уровнях, отечественная высшая школа по многим показателям не может достичь уровня, позволяющего составить серьезную конкуренцию участникам мирового научно-образовательного пространства. Проведенный в работе ретроспективный анализ основных концептуальных документов, определяющих развитие отечественной системы образования, показал, что реформы отечественной системы высшего образования зачастую не доходят до логического завершения, поскольку носят преимущественно декларативный характер, далеко не всегда подкрепленный законодательной базой, что приводит к непоследовательности практических действий по их реализации. Выявлено, что незавершенность реформ во многом связана с существующими разрывами сотрудничества между институтами образования, науки и промышленного производства, которое декларируется во всех концептуально значимых документах, но на практике тесное взаимовыгодное сотрудничество между указанными акторами в должной степени не проявляется. Обозначено, что подобное взаимодействие можно осуществить путем развития университетских систем, которые, будучи интегрированными в экономику регионов и выступая в качестве драйвера инновационного развития, смогут способствовать повышению конкурентоспособности российских университетов в международном научно-образовательном пространстве.

Ключевые слова: национальные системы образования, реформирование, университет

Для цитирования: *Петров В. В.* Трансформация отечественной системы ВПО: сдерживающие факторы и неоднозначность оценки // Профессиональное образование в современном мире. 2021. Т. 11, № 3. С. 23–32. DOI: <https://doi.org/10.20913/2224-1841-2021-3-03>

DOI: 10.20913/2224-1841-2021-3-03
Original Paper

The domestic high school professional education system transformation: constraining factors and the assessment ambiguity

Petrov, V. V.

*Institute of Philosophy and Law of the Siberian Branch of Russian Academy of Sciences
Novosibirsk State University
Novosibirsk, Russian Federation
e-mail: v.v.p@ngs.ru*

Abstract. The social transformations that took place under the influence of globalization and neoliberalization at the turn of the 20th – 21st centuries led to the need for deep structural and functional changes in the system of domestic higher professional education. Despite the fact that over the past twenty years in domestic practice a lot of directive documents have been developed and a number of serious management decisions have been adopted that have a direct impact on the development of the Russian education system at all levels, the domestic higher school in many respects cannot reach a level that makes it possible to make a serious competition to the participants of the world scientific and educational space. A retrospective analysis of the main conceptual documents that determine the development of the domestic education system, carried out in the work, showed that reforms of the domestic higher education system often do not reach their logical conclusion, since they are predominantly declarative in nature, far from always supported by a legislative framework, which leads to inconsistency in practical actions on their implementation. The article reveals that the incompleteness of the reforms is largely due to the existing gaps in cooperation between the institutions of education, science and industrial production, which all conceptually significant documents declare, but in practice, close mutually beneficial cooperation between these actors does not sufficiently manifest itself. The author indicates that such interaction can be carried out through the development of university systems, which, being integrated into the economy of the regions and acting as a driver of innovative development, can contribute to increasing the competitiveness of Russian universities in the international scientific and educational space.

Keywords: national education systems, reforming, university

Citation: Petrov, V. V. [The domestic high school professional education system transformation: constraining factors and the assessment ambiguity]. *Professional education in the modern world. 2021, vol. 11, no. 3, pp. 23–32.* DOI: <https://doi.org/10.20913/2224-1841-2021-3-03>

Введение. Для большинства стран рубеж XX–XXI вв. ознаменовался формированием институциональных основ постиндустриального общества. По мнению ряда исследователей (Д. Белл [1], П. Друкер [2], М. Кастельс [3] и др.), в качестве фундамента произошедших в мире изменений выступило создание национальных инновационных систем как структурообразующих элементов экономики, основанной на знаниях, а системным основанием инновационных экономик – развитый научно-образовательный потенциал.

Под научно-образовательным потенциалом, как правило, понимается развивающаяся система, представляющая собой совокупность ресурсов в области науки и образования, которые государственные и частные компании имеют для генерирования и приумножения новых знаний, создания технологических инноваций и формирования кадровой базы экономики [4, с. 141]. Переход к инновационному

вектору развития обеспечил быстрый рост научно-образовательного и экономического потенциала не только многих развитых стран, входящих в настоящее время в Европейский Союз, но и ряда государств Юго-Восточной Азии, став залогом их экономической и социальной стабильности. Очевидно, что стратегические интересы современной России заключаются в формировании конкурентоспособной экономики инновационного типа, основанной на знаниях, что сможет придать новый импульс социально-экономическому и социокультурному развитию страны и обеспечить необходимый уровень национальной безопасности [5, с. 331]. Поскольку в любом обществе роль обеспечения воспроизводства всего многообразия социальных процессов и явлений отводится образованию, то переход к новой парадигме экономического развития представляется невозможным без радикальной смены векторов в развитии образовательной системы.

Выступая как социальный институт, образование обеспечивает выполнение своей главной задачи – воспроизводства социальности [6, с. 90]. Наряду с передачей социально значимого опыта новому поколению, образование формирует социальную структуру общества, ее специфику и своеобразие в каждом конкретном обществе, а также определяет основные направления и перспективы развития социума.

Постановка задачи. Проблема, обсуждаемая в рамках настоящей работы, может быть сформулирована следующим образом: с одной стороны, за последние двадцать лет в отечественной практике разработано множество директивных документов и принят ряд серьезных управленческих решений, оказывающих прямое влияние на развитие российской системы образования на всех уровнях (принятие нового Закона «Об образовании в Российской Федерации» [7], реализация проекта максимизации конкурентной позиции российских университетов на глобальном рынке образовательных услуг [8], создание опорных, федеральных и исследовательских университетов [9] и др.), но, с другой стороны, серьезный прорыв отечественной высшей школы в мировом научно-образовательном пространстве пока что не наблюдается, о чем косвенно могут свидетельствовать международные рейтинги [10], в которых российские университеты занимают отнюдь не лидирующие позиции.

Цель исследования – выявить основные противоречия, сдерживающие развитие отечественных университетов и определить возможные формы взаимодействия всех акторов научно-образовательного процесса в изменившихся социокультурных условиях. Для достижения поставленной цели сформулированы следующие задачи: во-первых, провести ретроспективный анализ основных концептуальных документов, определяющих развитие отечественной системы образования; во-вторых, определить условия, необходимые для успешного развития российских университетов в условиях глобализационных преобразований.

Методология и методика исследования. Применяемый нами метод философской концептуализации позволяет представить новый уровень анализа развития высшего образования в трансформирующихся обществах и преодолеть разрозненность подходов к его исследованию, а социокультурный и структурно-функциональный подходы, применяемые в рамках работы, позволили обозначить потенциальную траекторию и форму развития национальных университетов в условиях глобализации. Изучение концептуально значимых документов, определяющих развитие системы образования в целом, сделало необходимым применение аналитико-описательного метода, позволившего обобщить данные, полученные в ходе исследования.

Результаты исследования. Интенсивная проработка стратегических направлений развития страны в рамках новой парадигмы в различных аспектах началась еще в начале 2000-х гг. после преодоления краткосрочных последствий финансового кризиса 1998 г. Этот период характеризуется рядом концептуально значимых документов, таких как «Стратегия Российской Федерации в области развития науки и инноваций на период до 2015 г.» (Стратегия-2015) [11], «Концепция модернизации российского образования на период до 2010 г.» [12], «Национальная доктрина образования в Российской Федерации до 2025 года» [13], доклад Минобрнауки РФ «О повышении эффективности деятельности государственного сектора науки» [14] (в части реструктуризации вузовской науки), «Программа модернизации структуры, функций и механизмов финансирования РАН» [15] и др.

Одним из интегральных документов стала «Концепция долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации до 2020 г.» [16], которая представлена еще в 2008 г. и включает в себя все направления развития системы образования, обозначенные в предыдущих программах модернизации отечественных науки и образования. В ней обосновывается стратегия перехода страны от экспортно-сырьевой к инновационной модели экономического роста, при этом ключевым механизмом должна стать структурная диверсификация экономики на основе инновационного технологического развития. В свою очередь, инновационное технологическое развитие предполагало «формирование национальной инновационной системы, включая такие элементы, как интегрированная с высшим образованием система научных исследований и разработок, гибко реагирующая на запросы со стороны экономики, инжиниринговый бизнес, инновационная инфраструктура, институты рынка интеллектуальной собственности, механизмы стимулирования инноваций и др.; формирование мощного научно-технологического комплекса, обеспечивающего достижение и поддержание лидерства России в научных исследованиях и технологиях по приоритетным направлениям; создание центров глобальной компетенции в обрабатывающих отраслях, включая высокотехнологичные производства и экономику знаний» [16].

Во всех принимаемых документах констатировалось, что отечественная система образования является важным фактором международного престижа России и сохранения ее места в числе ведущих стран мира. Мы можем выделить ряд схожих положений, которые в том или ином виде нашли концептуальное отражение в нормативной базе. Во-первых, продолжающиеся реформы в сфере образования вообще и высшего профессионального образования

в частности в контексте трансформаций российского общества должны были проводиться на основе демократических принципов и рыночных реформ, что определило общий вектор изменений образовательной системы на основе базовых принципов демократии и рыночной экономики. Во-вторых, декларировалась значимость образования как фактора достижения страной достойного места в новой системе глобальных мирохозяйственных связей и отношений. Образование представлялось важнейшим инструментом преодоления отставания России от ведущих тенденций глобального развития. В-третьих, прямо постулировалось, что российская образовательная политика ориентируется на обеспечение перехода страны к постиндустриальной стадии общественного развития.

Концепцией модернизации российского образования предусматривалось, что среди стратегических направлений развития профессионального образования продолжали сохранять свое значение такие принципы, как его доступность, качество и эффективность. Однако в силу того, что, как считалось, проблема доступности образования уже решена, на первый план выходило качество образования: эта задача постулировалась как главная в российской образовательной политике. Ее достижение предполагалось обеспечить на основе сохранения фундаментальности образования, которое традиционно рассматривалось как позитивная особенность российской системы ВПО, и его соответствия актуальным и перспективным потребностям личности, общества и государства. Требовалось осуществить переход высшей школы от профильной ориентации к подготовке специалистов, способных решать нестандартные и междисциплинарные задачи.

В Концепции модернизации прямо формулировалось, что «государство возвращается в образование как гарант качества образовательных программ и услуг, предоставляемых как общеобразовательными, так и профессиональными образовательными учреждениями, независимо от организационно-правовых форм» [16]. В отношении профессионального образования в Концепции ставились задачи усиления прогностической функции образовательной политики и формирования механизмов интеграции интересов потребителей системы профобразования, устранения монополизма в профессиональной подготовке, структурной перестройки системы образования, в том числе обеспечение реальной многоуровневости высшего образования, создание университетских комплексов [16], усиление акцента на междисциплинарность программ подготовки специалистов. При этом планировалось повышение уровня вузовской науки. Ее предполагалось решать за счет интеграции университетской, академической и отраслевой науки, разработки федеральной подпрограммы

«Университеты России», государственной поддержки ведущих научных школ, развития социального диалога со стратегическими партнерами системы профессионального образования.

К числу основных направлений модернизации вузовской науки относились такие, как формирование сбалансированной структуры и механизмов финансирования, развитие кооперационных связей вузовской науки с организациями академического сектора науки и прикладной наукой, а также с реальным сектором экономики, модернизация системы подготовки кадров высшей квалификации и федеральной системы повышения научной квалификации профессорско-преподавательского состава, проведение структурных преобразований, направленных на повышение эффективности использования кадрового потенциала и имущества. Высшая школа позиционировалась как часть трансформирующейся, а по сути – формирующейся на новых принципах национальной инновационной системы.

Необходимо отметить, что с точки зрения инновационной направленности образования в ходе предшествующих этапов реформ удалось получить ряд перспективных результатов. В их числе – такие, как расширение вариативности форм обучения, развитие сети инновационных центров, бизнес-инкубаторов, углубление практики взаимодействия и сотрудничества учреждений высшего, общего и начального (среднего) специального образования, развитие информатизации образования, внедрение интерактивных технологий и т. д. Общая цель заключалась в том, чтобы сформировать в системе ВПО некое «инновационное ядро», призванное обеспечить интеллектуальное и кадровое развитие «экономики знаний».

Однако параллельно проявилась и другая, противоположная тенденция. Декларировав возвращение в сферу образования, государство возобновило практику прямого регулирования научно-образовательной сферы, подменив горизонтальные связи и отношения административной вертикалью. Систему образования вообще и высшего образования в частности захлестнул вал директив и инструкций [5, с. 338], что противоречит логике развития современного информационного общества как общества с развитыми горизонтальными связями, «сетевому» по своей природе.

Как уже отмечалось, большие надежды при решении задачи модернизации системы ВПО были связаны с оптимизацией связей между социальными институтами науки и высшего образования в интересах формирования в стране единого научно-образовательного комплекса как основы национальной инновационной системы. Точнее, широкую известность приобрели отдельные примеры ее эффективного решения в рамках военно-промышленного комплекса и фундаментальной науки,

которые, несмотря на предпринимавшиеся усилия, не удалось распространить на систему в целом.

В принципе имелось два варианта оптимизации таких отношений. Первый из них – усиление интеграции с научными учреждениями. На стартовом этапе реформ этот вариант осуществлялся по традиционным направлениям, но в рамках индивидуальных адаптационных стратегий учреждений науки и высшей школы. На протяжении 1990-х гг. активность государства в отношении сближения сфер вузовской и академической науки и развития исследовательского потенциала университетов оставалась незначительной. В первой половине этого десятилетия рост количества интегрированных научно-образовательных структур и расширение спектра их деятельности в значительной степени определялись усилиями самих вузов и научных организаций в поисках выхода из системного кризиса.

После того как наиболее острые проявления кризиса были преодолены, основной импульс процессу интеграции науки и высшего профессионального образования стало придавать управленческое воздействие «сверху» в рамках общенациональных стратегий. Крупнейшими государственными инициативами, направленными на поддержку научных исследований в вузах, стали программы «Университеты России – XXI век», Федеральные целевые программы «Государственная поддержка интеграции высшего образования и фундаментальной науки на 1997–2000 гг.» и ряд других. Основные принципы программы «Интеграция» заключались в развитии сотрудничества между российскими вузами и научно-исследовательскими учреждениями за счет расширения совместной подготовки кадров, обмена информацией и укрепления вузовской науки, повышения ее роли при подготовке специалистов; развитии вузовской науки как самостоятельного сектора исследований наравне с академической и отраслевой наукой. Фактически реализация программы «Интеграция» создала предпосылки для формирования университетских систем, к которым мы обращались в наших предыдущих работах [4; 17]. Напомним, что под университетской системой мы понимаем комплекс взаимодействующих и взаимозависимых структур, образующих единое целое. Она включает в себя, во-первых, образовательную структуру, осуществляющую трансфер знаний и технологий, во-вторых, научные структуры, занимающиеся производством фундаментального знания, в-третьих, экспериментально-производственные структуры, способствующие выводу на региональный и глобальный рынки новых разработок и технологий. Университетская система является открытой самовоспроизводящейся и самоорганизующейся системой, функционирующей в соответствии с базовыми принципами организации университетского

образования, обменивающейся с внешней средой информацией и ресурсами. Будучи интегрированной в экономику региона, университетская система развивается в тесном взаимодействии с властью и бизнесом, являясь драйвером инновационного развития социума в целом [17, с. 195].

Однако в дальнейшем изменение норм действующего законодательства и ужесточение контроля над их исполнением лишило РАН, как и другие государственные академии, возможности создания образовательных учреждений. В результате так и осталось не осуществленным принятое в 2004 г. на высшем уровне решение о передаче Новосибирского государственного университета Российской академии наук [5, с. 340], де-факто являющегося частью академического комплекса, в ведение Сибирского отделения.

В итоге в первой половине 2000-х гг. усилия высшей школы и Академии наук оказались сосредоточенными в основном на поддержке и развитии ранее созданных интегрированных структур, однако этот вид интеграции сдерживался нормативно-правовыми ограничениями и отсутствием системной поддержки. В частности, в законодательстве по-прежнему не имелось определения как традиционно существовавших в России форм интеграции (базовая кафедра, проблемная лаборатория), так и новых перспективных ее форм (исследовательский университет). Глубокое взаимодействие и взаимопроникновение науки и высшего профессионального образования при существовавшем в стране к середине первого десятилетия 2000-х гг. правовом поле оказывалось невозможным, и это резко увеличивало издержки трансфера знаний и компетенций из одной сферы в другую.

Вместе с тем в середине первого десятилетия 2000-х гг. в системе ВПО произошло выделение группы инновационных вузов, сохранивших свой научный потенциал и ориентированных на его активное использование. Для них была разработана программа поддержки на конкурсной основе – Программа НИУ, которая признана успешной и частично позволила использовать научный и инновационный потенциал высшей школы.

Однако реформы системы высшего образования оказались в традиционной для России «ситуации незавершенности», поскольку фактически носили преимущественно декларативный характер, зачастую не подкрепленный законодательной базой, что приводило к непоследовательности практических действий по их реализации. Частично подобные проблемы решались в рамках реализации национальных проектов, но сам по себе этот фактор не смог системным образом изменить сложившуюся ситуацию.

В качестве примера обратимся к Проекту повышения конкурентоспособности ведущих российских

университетов среди ведущих мировых научно-образовательных центров, больше известном как «Проект 5-100-2020» [8]. Проект «5-100» представлял собой продолжение государственной политики в сфере развития образования и науки и выступил закономерным продолжением ряда крупных программ, предусматривающих масштабные государственные ассигнования вузам. Заявленная цель проекта заключалась в максимизации конкурентной позиции группы ведущих российских университетов на глобальном рынке образовательных услуг и исследовательских программ. Подразумевалось, что к 2020 г. не менее пяти ведущих российских университетов должны войти в топ-100 мировых рейтингов. Участники проекта и победитель конкурса отбора на предоставление государственной поддержки должны были ежегодно отчитываться о выполнении своих программ повышения конкурентоспособности перед международным Советом и Министерством образования и науки Российской Федерации. Важными условиями предоставления университетам субсидии стали выполнение ими планов мероприятий «дорожных карт», в том числе вхождение в мировые рейтинги университетов, а также обеспечение университетами софинансирования из внебюджетных средств [8].

Этот Проект предполагал масштабные бюджетные ассигнования, направленные на поддержку ведущих российских вузов с целью повышения их международной конкурентоспособности. Значимость и количество участников Проекта «Топ-100», в составе которых насчитывался 21 университет, в совокупности с амбициозными поставленными задачами сделали его одним из самых значительных системных мероприятий, направленных на развитие высшего образования России, а общий размер ассигнований, направленных на реализацию Проекта, превысил 80 млрд рублей [18]. Несмотря на завершение, этот проект ввиду своей важности для отечественного высшего образования по-прежнему остается предметом многочисленных дискуссий, ведущихся как в профессиональном сообществе, так и среди широкой общественности. Вместе с тем оценки эффективности реализации проекта серьезно различаются и являются крайне неоднозначными [19–23].

Так, по итогам 2020 г. ни один из 21 вуза – участника Проекта «5-100» не вошел в первую сотню таких международных институциональных рейтингов университетов, как ARWU, THE и QS. Несколько лучших результатов удалось достичь на уровне предметных рейтингов – по итогам 2020 г. восемь университетов вошли в Топ-100 отдельных предметных рейтингов ARWU, THE и QS. С одной стороны, для разработчиков программы это является «поводом для гордости» – не пять, а восемь вузов вошли в мировые рейтинги, пусть и предметные

(отметим – в заявленной цели проекта ни о каких предметных рейтингах речи не было). То есть победителей нет, но участники вошли туда, куда не собирались: можно предоставить отчет о потраченных средствах и проделанной работе. С другой стороны, конкурсный отбор университетов для Проекта «5-100» привел к колоссальной проблеме: участниками проекта стала крайне неоднородная группа вузов, для которой тем не менее устанавливался одинаковый набор целевых параметров и показателей результативности, в то время как сложившаяся модель финансирования лишь закрепляла диспропорции внутри группы университетов – объем финансирования, который получали вузы первой группы, в 6–7 раз превышал объем государственной поддержки, предоставляемой вузам третьей группы [24].

Немаловажным является тот факт, что основной упор в рамках реализации проекта был сделан на развитие научных исследований и внедрение результатов, которыми, по замыслу авторов проекта, должны заниматься отечественные университеты. Но мы уже неоднократно обращали внимание в наших предыдущих работах [17], что прямое копирование любых даже самых успешных западных схем и моделей («университет мирового класса» Дж. Салми [25], «Предпринимательский университет» Б. Кларка [26] и Г. Ицковца [27], «Университет 3.0» Й. Виссемы [28] и др.) в российскую реальность без вдумчивой адаптации невозможно. Во-первых, в России, в отличие от Запада, существует принципиально иная схема развития науки и образования – основную часть фундаментальных исследований выполняет Академия наук, специально созданная для этой цели Петром I в 1724 г. [29]. Соответственно, для производства научных знаний университетам необходимо интенсивное взаимодействие с исследовательскими организациями. Это означает, что если университет географически удален от научного центра или не имеет собственной серьезной научно-технической базы, позволяющей проводить фундаментальные научные исследования, то шанс стать эффективным по критериям *международных* рейтингов для него минимален. Во-вторых, в российском обществе, как и во всем мире, наблюдается тенденция к усилению практической направленности образования, когда основные потребители в лице бизнеса, общества и государства начинают оценивать его роль с точки зрения производительного потребления, обеспечивая быстрый оборот капитала и формируя минимально необходимый набор профессиональных качеств выпускника, но не способствуя развитию фундаментальной науки на базе университета.

Именно поэтому дальнейший глубокий анализ негативных проявлений опыта реализации

Проекта «5-100-2020» (недостигнутые результаты, подмена критериев, механизмы отбора участников и т. д.) является необходимым для коррекции образовательной стратегии, а также для разработки и реализации новых государственных программ поддержки образования и науки в России.

Выводы. В результате проведенного ретроспективного анализа основных концептуальных документов, определяющих развитие отечественной системы образования, мы можем обозначить, что отдельные положительные или отрицательные явления после реализации различных проектов могут быть независимы от них, поскольку «после» далеко не всегда можно трактовать как «вследствие». Незавершенность реформ прослеживается в их преемственности: так, на смену Проекту «Топ-100», который стартовал в мае 2013 г. и за семь лет не вывел в топ международных рейтингов (за исключением предметных) заявленное количество отечественных университетов (хотя многие и признают его успешным), приходит долгосрочная «Программа стратегического академического лидерства» [21; 22], куда будут отобраны теперь уже более ста вузов. Эта программа предполагает более масштабные результаты, но при этом кардинальных изменений ни в структуре отечественной системы образования, ни в схеме управления высшей школой не предвидится.

Первичный анализ реализации Проекта «Топ-100», который стал интегральным продолжением программ поддержки отечественных университетов, позволяет нам выделить ряд факторов, препятствующих повышению их международной конкурентоспособности в мировом научно-образовательном пространстве. Во-первых, отсутствие необходимой техники и технологий научных исследований, поскольку изначально взятая за основу модель не соотносится с принципами отбора университетов: в России это сделано путем директивного назначения, в то время как в зарубежной традиции понятие «исследовательский университет» имеет фактический, а не формальный характер. Во-вторых, несоответствие предметной структуры национальной публикационной активности структуре глобальной науки, которая во многом задается «западными» стандартами, равно как и формирование международных рейтингов не учитывает российскую специфику. В-третьих, отсутствие

ресурсов, связанных с правом собственности, поскольку, например, в отличие от американских университетов, имеющих богатые фонды развития, располагающих землей и недвижимостью, в России федеральные и национальные исследовательские университеты являются полностью государственными и не располагают подобными активами и собственными ресурсами. В-четвертых, неэффективность университетского менеджмента, который либо ориентируется на частично модернизированные, но безнадежно устаревшие советские модели управления, либо представлен молодым поколением, частично знакомым с зарубежными образцами управления, но зачастую не имеющим ни опыта адаптации подобных схем в российскую действительность, ни понимания специфики организации отечественных науки и образования. И, наконец, в-пятых, недостаточный уровень исследовательской культуры профессорско-преподавательского состава, поскольку в отличие от «запада», где фундаментальные исследования проводятся на базе ведущих университетов, в российских реалиях исторически сформировался принципиально иной подход к организации научных исследований, выполняющихся на базе академических институтов, в то время как на университеты возлагалась преимущественная функция трансфера технологий и результатов. Перечисленные факторы в целом формируют скептическое отношение к происходящим и планирующимся реформам в научно-образовательном секторе.

Опыт реализации проекта наглядно показывает, что незавершенность реформ во многом связана с существующими разрывами между институтами образования, науки и промышленного производства: в теории интеграция декларируется во всех концептуально значимых документах (о чем мы говорили выше), но на практике тесное взаимодействие между указанными акторами в должной степени не проявляется. На наш взгляд, подобное взаимодействие можно осуществить путем развития университетских систем, которые, будучи интегрированными в экономику регионов и выступая в качестве драйвера инновационного развития, смогут способствовать повышению конкурентоспособности российских университетов в международном научно-образовательном пространстве.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Bell D. The third technological revolution and its possible socio-economic consequences // *Dissent*. 1989. Vol. 36, № 2. P. 164–176.
2. Drucker P. F. *Post-capitalist society*. New York : Harper-Collins Publ., 1995. 240 p.
3. Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура : пер. с англ. Москва : Изд-во ГУ ВШЭ, 2000. 608 с.
4. Петров В. В. Специфика формирования регионального научно-образовательного потенциала: вектор оттока // *Философия образования*. 2020. Т. 20, № 3. С. 141–152.
5. Водичев Е. Г. Высшая школа в условиях системных трансформаций: сравнительно-исторический аспект. Новосибирск : Гео, 2013. 396 с.
6. Антонова О. Г. Социальные функции высшего образования в контексте новой образовательной парадигмы // *Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки*. 2018. № 1. С. 89–98.
7. Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации» № 273-ФЗ от 29 декабря 2012 года с изменениями 2020 года. URL: <http://zakon-ob-obrazovanii.ru/> (дата обращения: 15.01.2021).
8. Проект повышения конкурентоспособности ведущих российских университетов среди ведущих мировых научно-образовательных центров. URL: <https://www.5top100.ru/universities/> (дата обращения: 17.01.2021).
9. Приоритетный проект «Вузы как центры пространства создания инноваций» года. URL: <http://government.ru/projects/selection/645/> (дата обращения: 17.01.2021).
10. QS top universities. URL: <https://www.topuniversities.com/university-rankings/world-university-rankings/2020> (дата обращения: 23.02.2021).
11. Стратегия Российской Федерации в области развития науки и инноваций на период до 2015 г. URL: http://www.businesspravo.ru/Docum/DocumShow_DocumID_168333.html (дата обращения: 14.01.2021).
12. Концепция модернизации российского образования на период до 2010 г. URL: <http://ecsocman.hse.ru/data/584/700/1219/15.pdf> (дата обращения: 14.01.2021).
13. Постановление Правительства Российской Федерации от 4 октября 2000 г. № 751 «О национальной доктрине образования в Российской Федерации». URL: <https://rg.ru/2000/10/11/doktrina-dok.html> (дата обращения: 11.02.2021).
14. О повышении эффективности деятельности государственного сектора науки. URL: <http://www.ras.ru/FStorage/download.aspx?id=15a7289d-10f3-4f74-8520-f261555fbfc1> (дата обращения: 14.01.2021).
15. Программа модернизации структуры, функций и механизмов финансирования РАН. URL: <http://mon.gov.ru/files/materials/1301/doc180505.doc> (дата обращения: 14.01.2021).
16. Концепция долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации до 2020 года. URL: <http://www.economy.gov.ru/mines/activity/sections/strategicPlanning/concept> (дата обращения: 11.02.2021).
17. Петров В. В. Университетские системы в трансформирующихся обществах. Новосибирск : Манускрипт, 2020. 324 с.
18. Постановление Правительства РФ от 16.03.2013 № 211 (ред. от 10.02.2017) «О мерах государственной поддержки ведущих университетов Российской Федерации в целях повышения их конкурентоспособности среди ведущих мировых научно-образовательных центров». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_143479 (дата обращения: 12.01.2021).
19. Проект 5-100: итоги программы. Мнение экспертов. URL: <https://education.forbes.ru/authors/5-100-experts> (дата обращения: 15.03.2021).
20. Ректоры вузов – участники Проекта 5-100 подвели итоги года. URL: <https://rg.ru/2020/12/28/reg-cfo/rektory-vuzov-uchastnikov-proekta-5-100-podveli-itogi-goda.html> (дата обращения: 18.02.2021).
21. Проект 5-100 завершился. Да здравствует ПСАЛ? URL: <http://www.sib-science.info/ru/fano/proekt-5-100-podtolknul-vuzy-k-usileniyu-10122020> (дата обращения: 21.03.2021).
22. «Проект 5-100» умер, да здравствует «Приоритет-2030»? Ассоциация «Глобальные университеты» обсудила итоги завершившейся программы поддержки вузов. URL: <http://www.sib-science.info/ru/fano/proekt-5-100-umer-da-zdravstvuet-09042021> (дата обращения: 10.03.2021).
23. Светлова Л. Провальные результаты амбициозных проектов. URL: http://rabkor.ru/columns/analysis/2020/11/02/failed_results_of_ambitious_projects/ (дата обращения: 21.12.2020).
24. Ключарев Г. А., Неверов А. В. Проект «5 – 100»: некоторые промежуточные итоги // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия «Социология»*. 2018. Vol. 18, № 1. С. 100–116.
25. Салми Д. Создание университетов мирового класса. Москва : Весь Мир, 2009. 132 с.
26. Кларк Б. Р. Поддержание изменений в университетах: преемственность кейс-стади и концепций : пер. с англ. Москва : Изд. дом Высш. шк. экономики, 2011. 307 с.
27. Etzkowitz H. Innovation lodestar: the entrepreneurial university in a stellar knowledge firmament // *Technological Forecasting and Social Change*. 2017. Vol. 123. P. 122–129. DOI: 10.1016/j.techfore.2016.04.026.
28. Виссема Й. Университет третьего поколения. Москва : Олимп-Бизнес, 2016. 480 с.
29. Проект Положения об учреждении Академии наук и искусств. URL: <https://www.ras.ru/decreel724.aspx> (дата обращения: 10.03.2021).

REFERENCES

1. Bell D. The third technological revolution and its possible socio-economic consequences. *Dissent*, 1989, vol. 36, no. 2, pp. 164–176.
2. Drucker P. F. *Post-capitalist society*. New York, Harper-Collins Publ., 1995, 240 p.
3. Castells M. *Information age: economy, society and culture*. Moscow, HSE Univ. Publ., 2000, 608 p. (In Russ.).
4. Petrov V. V. Specificity of the formation of regional scientific-educational potential: the vector of outflow. *Philosophy of Education*, 2020, vol. 20, no. 3, pp. 141–152. (In Russ.).
5. Vodichev E. G. *Higher education in the conditions of systemic transformations: a comparative-historical aspect*. Novosibirsk, Geo, 2013, 396 p. (In Russ.).
6. Antonova O. G. Social functions of higher education in the context of a new educational paradigm. *University Proceedings. Volga region. Social Sciences*, 2018, no. 1, pp. 89–98. (In Russ.).
7. *Federal Law «On Education in the Russian Federation» N 273-FZ of December 29, 2012, as amended in 2020*. URL: <http://zakon-ob-obrazovanii.ru/> (accessed 15.01.2021). (In Russ.).
8. *Project to improve the competitiveness of leading Russian universities among the world's leading research and educational centers*. URL: <https://www.5top100.ru/universities/> (accessed 17.01.2021). (In Russ.).
9. *Priority project «Universities as centers of innovation creation space»*. URL: <http://government.ru/projects/selection/645/> (accessed 17.01.2021). (In Russ.).
10. *QS top universities*. URL: <https://www.topuniversities.com/university-rankings/world-university-rankings/2020> (accessed 23.02.2021).
11. *Strategy of the Russian Federation in the field of development of science and innovation for the period up to 2015*. URL: http://www.businesspravo.ru/Docum/DocumShow_DocumID_168333.html (accessed 14.01.2021). (In Russ.).
12. *The concept of modernization of Russian education for the period up to 2010*. URL: <http://ecsocman.hse.ru/data/584/700/1219/15.pdf> (accessed 14.01.2021). (In Russ.).
13. *Decree of the Government of the Russian Federation of 04.10.2000 № 751 "On the national doctrine of education in the Russian Federation"*. URL: <https://rg.ru/2000/10/11/doktrina-dok.html> (accessed 11.02.2021). (In Russ.).
14. *On increasing the efficiency of the public sector of science*. URL: <http://www.ras.ru/FStorage/download.aspx?id=15a7289d-10f3-4f74-8520-f261555fbfc1> (accessed 14.01.2021). (In Russ.).
15. *The program of modernization of the structure, functions and financing mechanisms of the RAS*. URL: <http://mon.gov.ru/files/materials/1301/doc180505.doc> (accessed 14.01.2021). (In Russ.).
16. *The concept of long-term socio-economic development of the Russian Federation until 2020*. URL: <http://www.economy.gov.ru/minec/activity/sections/strategicPlanning/concept> (accessed 11.02.2021). (In Russ.).
17. Petrov V. V. *University systems in transforming societies*. Novosibirsk, Manuscript, 2020, 324 p. (In Russ.).
18. *Decree of the Government of the Russian Federation of 16.03.2013 № 211 (as amended on 10.02.2017) «On measures of state support for the leading universities of the Russian Federation in order to increase their competitiveness among the world's leading research and educational centers»*. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_143479 (accessed 12.01.2021). (In Russ.).
19. *Project 5–100: program results. Experts' opinion*. URL: <https://education.forbes.ru/authors/5-100-experts> (accessed 15.03.2021). (In Russ.).
20. *Rectors of the universities participating in Project 5-100 summed up the results of the year*. URL: <https://rg.ru/2020/12/28/reg-cfo/rektory-vuzov-uchastnikov-proekta-5-100-podveli-itogi-goda.html> (accessed February 18.02.2021). (In Russ.).
21. *Project 5–100 has been completed. Long live PSAL?* URL: <http://www.sib-science.info/ru/fano/proekt-5-100-podtolknul-vuzy-k-usileniyu-10122020> (accessed 21.03.2021). (In Russ.).
22. *“Project 5–100” is dead, long live “Priority 2030”?* *The Association “Global Universities” discussed the results of the completed university support program*. URL: <http://www.sib-science.info/ru/fano/proekt-5-100-umer-da-zdravstvuet-09042021> (accessed 10.03.2021). (In Russ.).
23. Svetlova L. *Failed results of ambitious projects*. URL: http://rabkor.ru/columns/analysis/2020/11/02/failed_results_of_ambitious_projects (accessed 21.12.2020). (In Russ.).
24. Klyucharev G. A., Neverov A. V. Project «5–100»: some interim results. *RUDN Journal of Sociology*, 2018, vol. 18, no. 1, pp. 100–116. (In Russ.).
25. Salmi D. *Creation of world-class universities*. Moscow, Ves Mir, 2009. (In Russ.).
26. Clark B. *Sustaining change in universities: continuities in case studies and concepts*. Moscow, HSE Univ. Publ., 2011, 307 c. (In Russ.).
27. Etzkowitz H. Innovation lodestar: the entrepreneurial university in a stellar knowledge firmament. *Technological Forecasting and Social Change*, 2017, vol. 123, pp. 122–129. DOI: 10.1016/j.techfore.2016.04.026.
28. Wissema J. *University of the third generation*. Moscow, Olimp-Biznes, 2016, 480 p. (In Russ.).
29. *Draft regulations on the establishment of the Academy of Sciences and Arts*. URL: <https://www.ras.ru/decree1724.aspx> (accessed 10.03.2021). (In Russ.).

Информация об авторе

Петров Владимир Валерьевич – кандидат философских наук, доцент, старший научный сотрудник отдела социальных и правовых исследований, Институт философии и права Сибирского отделения Российской академии наук, доцент кафедры социальной философии и политологии, Новосибирский национальный исследовательский государственный университет (Российская Федерация, 630090, г. Новосибирск, ул. Пирогова, 1, e-mail: v.v.p@ngs.ru).

Статья поступила в редакцию 19.04.2021

После доработки 12.08.2021

Принята к публикации 13.08.2021

Information about the author

Vladimir V. Petrov – Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor, Senior Reseacher, Department of Social and Legal Studies, Institute of Philosophy and Law of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Department of the Social Philosophy and Political Science, Novosibirsk State University (1, Pirogova st., Novosibirsk, 630090, Russian Federation, e-mail: v.v.p@ngs.ru).

The paper was submitted 19.04.2021

Received after reworking 12.08.2021

Accepted for publication 13.08.2021